

Созаев Азамат Борисович

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты сопоставительной характеристики грамматических систем русского и карачаево-балкарского языков. Автор приходит к выводу, что в процессе обучения русскому языку нерусских (балкарцев) должны учитываться типологические сходства и различия указанных языков для выработки коммуникативных умений в процессе речевой деятельности .

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 184-188. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

NATIONAL-CULTURAL IDENTITY OF THE SPANISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENT-ANTHROPNYM

Singaevskaya Anna Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine
margaritkacha@list.ru

The article is devoted to the questions of proper name semantics as part of a phraseological unit and the problem of correlation between national and international in onomastic phraseology. It is ascertained that the onomastic component of a phraseological unit retains semantic connections with the relevant onym in language and speech and thereby motivates the phraseological unit meaning. The semantic weight of a proper name in general phraseological meaning depends on the specifics of its onomastic level and the degree of phraseological unit idiomatic character. National and international signs of phraseological units are not necessarily conditioned by the nature of an onomastic component. Phraseological units with international anthroponyms proper names of Biblical and ancient origin may be different in national characteristics and the turns of speech with nationally coloured onyms, being imposed upon common to many languages structural-semantic models, have international signs.

Key words and phrases: phraseological unit; proper name; anthroponym; onomastic component; structural-semantic model.

УДК 81 246.2

Филологические науки

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты сопоставительной характеристики грамматических систем русского и карачаево-балкарского языков. Автор приходит к выводу, что в процессе обучения русскому языку нерусских (балкарцев) должны учитываться типологические сходства и различия указанных языков для выработки коммуникативных умений в процессе речевой деятельности.

Ключевые слова и фразы: сопоставительный анализ; сопоставительная грамматика; родной язык; иностранный язык; типологические сходства и различия.

Созаев Азамат Борисович, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
azamat-s@list.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКАХ[©]

Все имена существительные русского языка – без исключения – обладают одним синтаксическим свойством – могут иметь согласованное определение: *хорошему* дому, новое пальто, красивая земля, белая стена, острые ножницы. Существительные, морфологически охарактеризованные, выражают значение числа и падежа: городом, руках, столу, дня. Существительные, морфологически не охарактеризованные, не выражают никаких грамматических значений. Все существительные имеют обобщенное значение предмета. Указанное значение у морфологически не охарактеризованных существительных выражается корнем. У морфологически охарактеризованных существительных корень не всегда имеет значение предмета, он может обладать значением признака или действия. В этом случае значение предметности непременно должно присутствовать в суффиксе: *сер-ост-и*, *движ-ени-ю*, *бег-отн-ей*, *бел-изн-ы*; *син-ью*, *бег-а*. Отмеченное синтаксическое свойство характеризует все словоформы, а следовательно, и лексемы существительных. Следовательно, морфологические категории, у которых идет речь, принято считать формообразующими, словоизменительными.

В карачаево-балкарском языке из-за отсутствия категории рода согласование существительных с определяющим его прилагательным осуществляется по-другому. Определяющее слово всегда занимает препозицию: *акъ юй*, *акъ юйле* – *белый дом*, *белые дома*; *таш юй*, *таш юйле* – *каменный дом*, *каменные дома*. Другой отличительной чертой является то, что в карачаево-балкарском языке все существительные изменяются по числам и падежам: *метро* – *метрола* (*метро* ед. ч. – *метро* мн. ч.); *кофе* – *кофеле* (*кофе* ед. ч. – *кофе* мн. ч.); *кашне* – *кашнеле* (*кашне* ед. ч. – *кашне* мн. ч.); *метро* – *метрону* – *метрогъа* – *метрону* – *метрода* – *метродан*; *адам* – *адамны* – *адамгъа* – *адамны* – *адамда* – *адамдан* и т.д.; *метроланы* – *метроланы* – *метролагъа* – *метроланы* – *метролада* – *метроладан*. В русском и карачаево-балкарском языках совпадение значений предмета бывает, когда значение предметности выражается суффиксом *бег-отн-я*, *чаб-чабыу*, *ходить* – *ходьба*, *бар-барыу* и т.д. В карачаево-балкарском языке все существительные, таким образом, изменяются по числам и падежам. Следовательно, эти категории являются, как и в русском языке, словоизменительными.

Родовая принадлежность существительных в русском языке и средства его выражения в карачаево-балкарском языке

Родовые различия у существительных русского языка проявляются: 1) в согласовании с разными формами полных и кратких прилагательных и причастий: *большой дом*, *большая деревня*, *большое кольцо*;

2) в согласовании с формами глаголов в прошедшем времени изъявительного наклонения: *был дом, была земля, было кольцо*; 3) в возможности замены разными формами местоимений: *дом – он, земля – она, кольцо – оно*. Согласовательные проявления родовой принадлежности последовательно проявляются по первому признаку. Очевидно, что родовая принадлежность части одушевленных существительных связана с их лексическим значением: *слон* (муж. р.), *студентка* (жен. р.), *жеребец* (муж. р.), *коза* (жен. р.) и т.д. Однако деление существительных по родам вовсе не тождественно указанию на пол существа. Во-первых, многие существительные, обозначающие неодушевленные предметы, могут быть охарактеризованы по роду, но не по полу. Во-вторых, не всегда характеристика одушевленных существительных по роду (мужской или женский) совпадает с одноименной характеристикой по полу: например, самцов и самок обозначают существительные мужского и женского рода: *муравей, леопард, дельфин, белка, курица, змея*. Родовая принадлежность существительного также связана с его «внешним оформлением» в им. п. ед. ч. и набором окончаний в других падежах. Однако, непоследовательно проявляясь в семантике и словоизменении, род не формирует этими характеристиками грамматической категории.

Существительные, не относящиеся ни к одному из трех родов (мужской, женский, средний), называемые парные предметы: *очки, брюки, ножницы, ворота*, относятся к парному роду. Выделение их в особый род оправдывается тем, что они при сочетании с числительными *два, три, четыре, пять* и т.д. ведут себя по-другому, чем с обычными существительными: *купил двое брюк, трое очков, но купил два стула, три тетради* и т.д., что говорит о правомерности выделения парного рода.

В карачаево-балкарском языке категория рода отсутствует вообще. Деление существительных одушевленных на мужскую и женскую особи осуществляется как лексическими средствами: *бугъа-ийнек «бык-корова», ажир-байтал «жеребец-кобыла», къытай-тауукъ «петух-курица»* и т.д., так и при помощи аффикса *-ырыу*: *эркекырыу-тишиыры «мужчина-женщина»*. Могут различаться еще добавлением слова *эркектиши «самец-самка»* к определяемому существительному одушевленному: *эркек улакъ – тиши улакъ «самец ягненок – самка ягненок», эркек гылыу – тиши гылыу «самец ослик – самка ослик»* и т.д.

Одушевленность/неодушевленность у существительных в русском языке

и принцип деления существительных по этому принципу в карачаево-балкарском языке

В русском языке оформление вин. п. мн. ч. существительных с согласованными словоформами полных прилагательных и причастий делит все существительные грамматически на одушевленные и неодушевленные группы (*вижу большие города, страны, окна, но: вижу больших слонов, коз, чудовищ*). Это деление в ед. ч. возможно только для существительных мужского рода (*вижу большой город – вижу большого мальчика*). Этот синтаксический элемент значения обязателен и формирует категорию одушевленности/неодушевленности в русском языке.

В карачаево-балкарском языке деление существительных по этому признаку осуществляется несколько по-другому. За одушевленный предмет принимается только человек (*ким? «кто?»*), а все остальные предметы – животные и растения – понимаются как неодушевленные (*ат «конь», не? «что?», ит «собака», не? «что?», юй «дом», не? «что?», терек «дерево» не? «что?», ундуррукъ «кровать» не? «что?»*) существительные типа *пальто, такси, кафе, кенгуру*.

Русские имена существительные, независимо от количества обозначаемых ими предметов, принадлежат к тому или другому грамматическому числу. Ср.: *течет вкусное молоко – текут вкусные сливки* и т.д., а неизменяемые существительные могут характеризоваться и единственным, и множественным числом: *висит новое кашне – висят новые кашне*. С этой точки зрения все формы существительных (не предметы) могут быть сгруппированы следующим образом: со значением грамматического единственного числа, со значением грамматического множественного числа, со значением обоих чисел. Таким образом, грамматическое значение числа у данной словоформы может совпадать, а может и не совпадать с реальным числовым значением [2, с. 372-373].

В карачаево-балкарском языке все существительные противопоставляют единственное и множественное числа, например: *ат – атла (лошадь – лошади), терек – терекле (дерево – деревья), метро – метрола (метро ед. ч. – метро мн. ч.), агъч – агъчла (лес – леса)* и т.д.

Но есть небольшое количество слов, имеющих или только форму ед. ч. или форму только мн. числа. Например, имеют только формы ед. ч.: *кёк (небо), кюн (солнце), ай (луна)*; имеют только форму мн. ч.: *жетегейле (название созвездий), илкерле (тоже название созвездий)*. В оппозиции единственного и множественного числа в карачаево-балкарском языке множественное число выступает маркированным членом, т.к. всегда обозначает множественное число предметов и формально выражено 0 (нулевым) аффиксом *-ла, -ле*, в то время как единственное число не имеет своего средства выражения. Ввиду этого его приравнивают к нулю. Это отмечается в других тюркских языках [3, с. 15-20]. Нуль в грамматике есть значимое отсутствие, например, в русском языке существительное мужского рода *дом* в им. п. ед. ч. имеет 0 (нулевое) окончание, т.к. в других падежах появляются окончания (*дом-а, дом-у, дом-ом*) и т.д., а также это существительное в им. п. ед. ч. может быть противопоставлено другим лексемам женского и среднего родов, у которых флексийный морф выражен (*дом, стен-а, окн-о*) и т.д.

В карачаево-балкарском языке ввиду отсутствия рода лексемы не противопоставляются по окончаниям, зато нулевая флексия может быть выведена на основе парадигмы (*син-0, атп-ны, аш-ха* и т.д.). Здесь категория числа имен существительных в карачаево-балкарском языке похожа на категорию числа русского языка мужского рода (*дом-0, дом-а, дом-у* и т.д.).

В русском языке во флексийном морфе сосредотачиваются несколько грамматических показателей: *дом, дома, дому* – род, число, падеж, из которых с числом более последовательно связано значение падежа, но число связано и с категорией рода, особенно в ед. ч. (*дом, страна, окно*), во мн. ч. оно ослабляется, поэтому характеристика падежа есть одновременно и характеристика числа и наоборот: *дом-ами, – ами* характеризует тв. п. мн. ч. Поэтому число относят к словоизменительной категории.

А в карачаево-балкарском языке ввиду агглютинации каждое грамматическое значение выражается отдельной морфемой и показатель числа не зависит от падежной флексии: *ат, ат-ны, ат-ха, ат-ла, атла-ны, атла-гъа* (*лошадь, лошадиный, к лошади, лошади, лошадиные, к лошадям*) и т.д.

Таким образом, в категории числа имен существительных русского и карачаево-балкарского языков есть сходства и различия. Сходства заключаются в том, что в обоих языках номинативный элемент значения заключается в обозначении количества. В выделении нулевой флексии тоже есть сходства. Различия в том, что в русском языке числовое значение ед. и мн. ч. выражено формально (*дом, стена, окно, дом-а, стены, окна*), в карачаево-балкарском языке формально выражается только мн. ч., а ед. ч. выражается негативно: *ат – атла* (*лошадь – лошади*), *юй – юйле* (*дом – дома*), *ёгюз – ёгюзле* (*рог – рога*), *чыбыт – чыбытла* (*ветка – ветки*) и т.д.

В русском языке ввиду наличия категории рода у существительных категория числа совпадает с этой категорией (*дом – муж. р. ед. ч., стена – жен. р. ед. ч., окно – ср. р. ед. ч.*), а во множественном числе такая связь с родом утрачивается. Поскольку род имен существительных характеризуют разные лексемы, то и категория числа, соответственно, является классифицирующей категорией. А с другой стороны, т.к. она связана с категорией падежа, а падеж является словоизменительной категорией, то и число считают словоизменительной. Но в карачаево-балкарском языке нет категории рода, и падежное значение не совпадает с категорией числа ввиду законов агглютинации, поэтому можно сделать вывод о том, что эта категория номинативная и классифицирующая.

Категория падежа имен существительных русского и карачаево-балкарского языков – это словоизменительная морфологическая категория, выраженная системой противопоставленных друг другу рядов форм. Они обозначают в словосочетании отношение существительного к другому слову. Например, словоформа *стол* противопоставляется другим словоформам – *стола, столу, стол, столом; стол, столну, столгъа*. В этих словоформах, взятых изолированно, формальные различия очевидны, но смысловых различий не видно. Зато сочетательные возможности абсолютно ясны [1, с. 71]. Причем эти различия проявляются как для подчиненных словоформ, так и для подчиняющих. Например, в русском языке словосочетание *красивый стол* возможно, а *красивый столу* – невозможно, должно быть *красивому столу*, но невозможно *красивому домом* и т.д.; в карачаево-балкарском языке тоже возможно сочетание «*ариу стол*» (*красивый стол*), «*ариу столну*» (*красивому столу*), «*ариу столгъа*» (*красивым столом*) и т.д., но невозможно сочетание «*ариуну стол*», «*ариугъа столну*», «*ариуда столгъа*» и т.д. Поэтому можно утверждать, что в русском и карачаево-балкарском языках формы существительных обладают некоторой характеристикой, которая предопределяет возможность или невозможность соединения их с другими словоформами, но здесь речь не идет о роде и одушевленности, как в русском языке, которые в карачаево-балкарском языке отсутствуют и не влияют на выбор словоформ, а имеется в виду грамматическая правильность, например в русском языке «*железным летом*» лексически такая связь невозможна, а грамматически совершенно правильно; «*холодному летом*» – грамматически невозможная связь, а лексически возможна. В карачаево-балкарском языке тоже «*темир жаз*» – грамматически возможная связь, а лексически – нет; «*темирни къол*» – грамматически невозможная связь, а лексически возможная. Таким образом, следует подчеркнуть важность разграничения грамматической и лексической правильности для сочетающихся словоформ существительных как в русском, так и в карачаево-балкарском языках. Характеристику форм существительных, относящуюся к выбору связанных словоформ, называют падежом существительного. Лежащие в основе падежа свойства словоформ являются общими свойствами существительных, которые формируют категорию падежа. Эта категория словоизменительная, т.к. словоформы этой парадигмы ничем не отличаются друг от друга, кроме значения этой морфологической категории.

Однако категории падежа содержательная ценность также не чужда. Но смысловая характеристика не заключена в самой словоформе, а возникает в результате взаимодействия формы существительного с подчиняющей словоформой. Так, между словоформами *рука, руку, рукой* русского и *къол, къолну, къол бла* карачаево-балкарского языков нет смысловых различий, а есть только различия в синтагматических возможностях. Однако в словосочетаниях «*рука ударила*», «*руку ударила*», «*рукой ударила*» в русском языке и «*къол урду*», «*къолну урду*», «*къол бла урду*» в карачаево-балкарском языке указанные различия между словоформами имеют содержательную ценность, заключающуюся в том, что в первом словосочетании устанавливаются отношения между субъектом и действием, во втором – между объектом и действием, в третьем – между орудием и действием. У падежей русского языка выделяются две различные функции: субъектно-объектные и обстоятельные. При этом одни падежи (им. п., род. п., дат. п., вин. п.) в основном служат для выражения субъектно-объектных отношений. Другие падежи (например, тв. п.) прежде всего выражают обстоятельственные значения и лишь во вторую очередь – субъектно-объектные отношения. Эти два значения учитываются во всех пособиях по русскому языку.

В карачаево-балкарском языке тоже первые падежи баш болуш (им. п.), иеликчи болуш (род. п.), тамлаучу болуш (вин. п.), бериучу болуш (дат. п.) выражают субъектно-объектные отношения, но вторичных (обстоятельственных) функций у них не наблюдается. Зато падежи (орунлаучу болуш (мест. п.) и башлаучу болуш (исход. п.)) выражают только обстоятельственные отношения. Первый (орунлаучу) показывает направление, куда направлено действие: *юйге – домой, къошха – в кош, шахаргъа – в город* и т.д.; второй

(башлаучу) указывает, откуда исходит действие: юйден – из дому, кьошдан – из коша, шахардан – из города и т.д. В карачаево-балкарском языке падежные значения более специализированные, чем в русском языке.

Рассмотрим семантику падежных форм русского и карачаево-балкарского языков.

Именительный падеж русского языка выражает отношения подлежащего и сказуемого. Ему соответствует набор словоформ в таком, например, контексте: «У меня есть (наличествующий предмет)». Им. п. преимущественно выражает значение субъекта действия: *журавли летят*, но может выражать и объект действия: *Почтенный замок был построен, как замки строиться должны* [4, с. 422].

Такие же отношения складываются в им. п. (баш болуш) в карачаево-балкарском языке: *Мен жазама. Менде барды бир ариу сурат. – Я пишу. У меня есть одна красивая фотография (перевод здесь и далее выполнен автором статьи – А. С.)*.

Родительный падеж русского языка выражает значение субъекта действия: *Брата не было дома. Выступление президента было встречено бурными аплодисментами*. Но может выражать и объект действия: *коснуться руки*. В обстоятельственной функции падеж имеет значение времени: *девятого мая девяностого года*. Родительный падеж, как известно, у некоторых существительных располагает двумя формами: чая – чаю, сахара – сахару, сыра – сыру и т.д. Известно, что не во всех случаях можно употребить обе формы – это будет зависеть от контекстов, например: «У... есть недостаток (предмет, обладающий недостатком)» допускает лишь формы на *-а/-я*: *чая, сахара, сыра* и т.д. Контекст «*стакан*» (предмет в данном количестве допускает обе формы: на *-а* и *-у*: *чая – чаю, сахара – сахару*). Следовательно, формы на *-а* и *-у* в одних контекстах находятся между собой в соотношениях свободного варьирования, а в других – лишь формы на *-а*: *вина, шкафа, окна* и т.д. Таким образом, род. п. может иметь две формы – родительный универсальный, имеющий только формы на *-а*: *дома, сестры, брата*, и родительный, имеющий обе формы, т.е. на *-а* и *-у*: *чая – чаю, сахара – сахару, сыра – сыру* и т.д.

В карачаево-балкарском языке, в отличие от русского, род. п. (*иеликчи болуш*) выражает значение принадлежности одного предмета другому: *юйню башы – «крыша дома», терекни бутагъы – «ветка дерева», адамны кьолю – «рука человека»* и т.д. (это так называемый падеж, не управляемый глаголами. Он имеет конкретно-предметное значение, в отличие от им. п. (*баш болуш*), который имеет отвлеченно-конкретное значение).

Дательный падеж в русском языке выступает в контексте, например: «*Я иду к... (предмет, к которому совершается действие)*». Такой же набор словоформ имеют многие другие контексты, например: *я аплодирую другу, пишу другу, читаю другу, рассказываю другу* и т.д. Он выражает в основном значение адресата, к которому направлено действие (косвенно – объекта действия): *читать сестре*, однако может иметь значение и субъекта действия: *ребятам весело, мне нездоровится*, а иногда и объекта действия: *подчиняться правилам*. Этот падеж обстоятельственных значений не имеет.

В карачаево-балкарском языке дат. п. (*бериучю болуш*) обозначает направленность действия к адресату: *адамгъа (к человеку), къарындашыма (брату), эгечиме (сестре)*, но может обозначать направленность действия к объекту: *таугъа – «в горы», кьошха – «в кош»*, может обозначать направленность действия внутри чего-нибудь: *юйге кирдим – «зашел в дом», кьошха кирдим – «зашел в кош»* и т.д., может обозначать объект-цель: *биз тюнене элге тойгъа бардыкъ – «вчера мы в село съездили на свадьбу»* и т.д.

Винительный падеж в русском языке выделяется на основе словоформ, выступающих в таком, например, контексте, как «*Я говорю... (предмет говорения)*» или «*Я читаю, пишу, вижу (где предмет – объект действия)*»: *Я говорю про роман, написанный в прошлом году*. Он выражает преимущественно значение объекта: *писать письмо, видеть друга*; однако может иметь и значение субъекта: *больного знобит*. Может употребляться и в обстоятельном значении: *читать весь день* и т.д.

В карачаево-балкарском языке вин. п. (*тамамлаучу болуш*) выступает в значении морфологического средства, указывающего на то, что предмет, называемый исходной основой, воспринимается автором как объект прямого, непосредственного воздействия, например: *Хамит письмону эки кере окъуду. Бусагъатда кюзню ариу, жылы кюнлери келедиле – Хамит прочитал письмо два раза*. Этот падеж всегда употребляется с переходными глаголами. Формы вин. п. в карачаево-балкарском языке могут употребляться и без падежных аффиксов, тогда они выражают неопределенность предмета, на который направлено действие, например: *Школчула хар кюнден дайым китап, газет, журнал окъуйдула – Школьники ежедневно читают книги, газеты, журналы*.

Творительный падеж в русском языке выделяется на основе набора словоформ, выступающих в таком, например, контексте, как «*Я интересуюсь... (картиной, погодой, новостями) и т.д.*». Тот же набор словоформ употребляется и в контекстах «*Я иду, говорю с братом, с сестрой, с другом и т.д. (объект совместного действия)*»; «*Я работаю, делаю, пишу – лопатой, ножом, пером и т.д. (орудие действия)*». Основным значением падежа является обстоятельное, обозначает орудие действия – *солдаты шилом бреются*; время действия – *работать сутками*; место действия – *идти берегом*; может употребляться и в значении объекта действия – *любоваться природой*, и в значении субъекта действия – *музыка исполняется композитором*.

В карачаево-балкарском языке такой падеж отсутствует, хотя такие значения могут передаваться аналитически, с помощью послеслога, например: *Мен къарындашым бла шилейме – Я работаю с братом. Мен къалам бла сурат ишледим – Я карандашом нарисовал картину. Мен иш бла шагъырейленеме – Я знакомлюсь с работой*.

Предложный падеж в русском языке формируется на основе набора словоформ, выступающих, например, в контексте «*Я говорю о... (объект говорения)*». Контекстов с таким набором словоформ в русском языке очень много: *Я знаю толк в еде, в драке, танце* и т.д. Сам предл. п. распадается на два падежа:

собственно предложный падеж и местный падеж, которые различаются в контекстах «Я говорю о лесе, о степи» и «Я живу в лесу, в степи». Этот падеж, употребляемый всегда после предлогов, служит лишь для связи словоформ в словосочетании и предложении, а также помогает дифференцировать разные омонимичные значения предлогов. Ср.: (идти) в лес (направление) – (жить) в лесу (место); (ходить) на площадь (направление) – (стоять) на площади (место).

В карачаево-балкарском языке собственно предложный падеж отсутствует, хотя такие отношения могут быть выражены с помощью послеслова «юсюнден» – про, о: Мен шуьхуму юсюнден селешеме – Я говорю о друге. Мен тамбланы юсюнден сагыши этеме – Я думаю о завтрашнем дне. Мен ол дауурну юсюнден кеп хапарла эитгенме – Я про эту ссору слышал много разговоров.

Местный падеж в русском языке выделяется в контексте «Я живу в лесу в степи, в горах». Контекстов, требующих такого набора словоформ, в русском языке немало: «Они находятся в горах, пещере, городе и т.д.»; «Я гуляю парке, в лесу, в саду и т.д.».

Местный падеж в карачаево-балкарском языке отличается единством грамматических (формальных) показателей и выражаемых ими значений. Имя в форме местного падежа означает предмет, являющийся местом, точкой или пространством, в котором имеет место какое-либо событие, моментом или временным отрезком, в котором или в течение которого событие происходит. Основным в семантическом потенциале формы является аффикс -да с вариантами, например: Мариям школда эди – Мариям была в школе. Талада кеп ариу гоккала еседиле – На поляне растут много красивых цветов. Бир такъыйкъада думп болуп къалды – В течение секунды исчез. Мында мени шуьхум жашаиды – Здесь живет мой друг. Мен ишге тогъузда барлыкьма – Я на работу иду к девяти.

Отличительной особенностью карачаево-балкарского языка от русского является наличие исходного падежа, который является наиболее многозначным среди других падежей, выражается аффиксами -дан, -ден. Основными значениями в семантике данного падежа являются пространственные значения, которые подразделяются на два типа: 1) предмет, называемый именем, есть объект, из или от которого осуществляется движение, например: Мен юйден келгенли бираз болады – С тех пор, как я пришел из дому, прошло немного времени; 2) предмет есть объект, по которому или из сквозь (через) который совершается движение, например: Сагит кепюрден сакъ этдю – Сагит осторожно прошел по мосту. Адамла юйден ашыгышылы чыкъдыла – Люди постепенно вышли из дома и т.д.

Этот перечень не является полным, а лишь выявляет главные значения падежей русского и карачаево-балкарского языков.

Таким образом, сопоставительная характеристика морфологических категорий имен существительных русского и карачаево-балкарского языков показала, что система родного языка порождает для балкарцев-билинггов чрезвычайно широкое поле межъязыковой интерференции. Учет этих трудностей способствует выработке у балкарцев-билинггов коммуникативных умений в процессе речевой деятельности на русском языке.

Список литературы

1. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1976. 564 с.
2. Кронгауз М. А. Семантика. М.: РГГУ, 2001. 380 с.
3. Рождественский Ю. В. Типология слова. Изд-е 2-е, доп. М.: Комкнига, 2007. 286 с.
4. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; под ред. В. А. Белошапковой. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.

MORPHOLOGICAL CATEGORIES OF NOUNS IN THE RUSSIAN AND KARACHAY-BALKAR LANGUAGES

Sozaev Azamat Borisovich, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov
azamat-s@list.ru

The article considers some aspects of comparative characteristic of grammar systems of the Russian and Karachay-Balkar languages. The author makes a conclusion that in the process of the Russian language teaching to the non-Russian people (Balkarians) the typological similarities and differences of the mentioned languages must be taken into consideration to develop the skills in the process of speech activity.

Key words and phrases: comparative analysis; comparative grammar; first language; foreign language; typological similarities and differences.